

Танцор, бежавший из клетки

Рудольф Нуреев и Джеймс Уайет: натура и художник

Мэлор Стурау
Нью-Йорк-Миннеаполис

Недавно в нью-йоркском Линкольн-центре в Публичной библиотеке театрального искусства прошла выставка под названием «Уловить образ Нуреева». Там экспонировались около 40 полотен и рисунков художника Джеймса Уайета, на которых запечатлен один из величайших танцоров прошлого века.

Потомственный художник, 55-летний Уайет с юных лет питал страсть к морю. Эта страсть подвигла его купить небольшой

Жаклин Кеннеди, так и остался, по существу, одиноким человеком.

Вторая страсть Уайета – балет. Еще 17-летним пареньком он написал портрет Линкольна Кирстина, человека, которому Америка обязана классическим балетом. Это Кирстин привез из Парижа Джорджа Баланчина и долгие годы возглавлял вместе с ним Нью-Йоркский Сити-балет – колыбель классического танца в Новом Свете. Именно Кирстин привил художнику любовь к балету, именно его Джеймс попросил устроить ему знакомство с Нуреевым. Поначалу эта просьба пришлась не по вкусу

«Он хотел видеть все. И это чуть меня не доконало, – говорил художник. – Рассматривая в ходе работы мои наброски, он иногда говорил: «Моя нога много красивее, чем эта».

Впервые художник и танцор встретились лицом к лицу в 1975 году в знаменитом нью-йоркском артистическом кафе «У Элианы» на Второй авеню в Манхэттене. На первых порах Уайет ходил в театр, наблюдал за тем, как Нуреев гримируется и одевается, смотрел спектакль из-за кулис. Художник сразу же решил не рисовать Нуреева в танце. «Танцор всегда в движении. Рисовать его танцующим было для меня оксюмороном, абсурдом, – говорил он. – Танец – нечто эфемерное и ускользающее, он, как иллюзия. В кино он выглядит абсурдным, а танцоры напоминают дергающихся марионеток».

Художник и танцор подружились. Они часто вместе ужинали, ходили друг к другу в гости, посещали картинные галереи и вечеринки. Нуреев ездил на семейную ферму Уайетов в Чэддс-форд, штат Пенсильвания. По словам художника, «Нуреев напоминал пантеру, расхаживающую по дому. Вне сцены он был таким же, как на сцене, хотя он меня больше интересовал как человек, личность, а не как танцор. Я хотел рисовать его не потому, что он великий танцовщик, а потому, что он обладал исключительной внешностью, удивительным магнетизмом».

В беседе с критиком «Нью-Йорк таймс» Мелом Гассовым художник вспоминал, как он наблюдал «разминку» Нуреева перед началом балета «Pierrot Lunaire» в театре «Юрис» на Бродвее. Облаченный в белые

Независимая газ. 2002. - 16 окт. - с. 8.

Рудольф Нуреев – мятежная звезда.

Фотография получена по каналам интернета

одежды Пьеро, Нуреев как бы погружался в свою роль. «Это было маниакальное зрелище – движения, арабески, вращение. Доведя себя до лихорадочного состояния, танцор выбегал на сцену... Нуреев на моих глазах превращался в Пьеро. Сначала я только наблюдал за этой метаморфозой, а затем пытался схватить ее карандашом...»

Мне не выпало счастья наблюдать за тем, как Нуреев вживался в образ Пьеро, но я видел его танцующим эту партию на сцене «Юрис». В исполнении Нуреева меланхоличный Пьеро выглядел временами бунтарем-революционером, а временами – классическим «лишним человеком» со страниц великой русской литературы. Такую трактовку образа Пьеро мог дать только артист, бежавший из советской золотой клетки.

Я не был знаком с Нуреевым лично. Но связывает меня с ним такой эпизод. В конце 60-х годов на сцене Ковент-Гардена в Лондоне поставили «Лебединое озеро» с Нуреевым и Фонтейн в главных партиях. Я обратился в администрацию театра с просьбой выделить мне «билет для прессы» на премьеру. Какая-то дама высокомерно отказалась это сделать: «Зачем вам билет, ведь вы все равно не напишете рецензию на спектакль, а если даже и напишете – ваши газеты ее не напечатают!» Она была абсолютно права, но я почувствовал себя оплеванным. Имя Нуреева в Советском Союзе находилось под запретом. Но тон администраторши задел меня. Я набросал записку на имя Нуреева с описанием случившегося и просьбой о билете и вручил несколько оговоренной даме. На следующий

день она позвонила мне и сказала, что я могу забрать два билета в кассе. Не знаю до сих пор – было ли это сделано по воле Нуреева или моя отчаянная просьба проняла администраторшу? Но до сих пор помню ощущения тех дней: радость от приобщения к великому искусству, отравленная подлым страхом – а что если мою записку передали в Интеллиженс сервис и ее агенты начнут шантажировать меня ею? Разумеется, никакой рецензии я не написал и в редакцию не послал – это было бы просто бессмысленно...

Но вернемся к нашему повествованию. Уайет вспоминает, что как-то у него возникла мысль: «Дабы уж слишком не обременять танцора, надо взять в качестве замены профессионального натурщика с телом, анатомически похожим на нуреевское, чтобы тот позировал вместо Рудольфа». Когда Нуреев узнал об этой затее, он пришел в бешенство. «Я буду позировать только сам!» – воскликнул он. Рудольф был не только великим артистом, но и великим нарциссом. Он гордился своим телом и часто демонстрировал его, расхаживая по студии художника нагим.

Любопытная деталь. Выставка «Уловить образ Нуреева» до нью-йоркского Линкольн-центра была показана в Кеннеди-центре в Вашингтоне. Устроители вашингтонского вернисажа потребовали от художника снять с экспозиции портрет нагого Нуреева. Но вот в Линкольн-центре «спорная» картина была выставлена. Жители берегов Гудзона, видимо, более терпимы, чем бюрократы, обитающие на берегах Потомака.

Однажды Уайет познакомился со знаменитым культуристом, ставшим голливудской кинозвездой, – Арнольдом Шварценеггером. Энди Уорхол советовал ему сделать портрет этой массы бугрящихся мышц. Художник пригласил Шварценеггера и Нуреева отужинать у него дома. Но их встреча оказалась провальной. Голиаф, разволнованный от встречи с Давидом, нервно липнул явную чужь:

– Как часто бываете вы в России?

– Каждый день! – отрезал Нуреев.

С этого момента он больше не произнес ни одного слова в течение всего вечера и вообще отказался общаться со Шварценеггером.

Вспоминая об этой истории, Уайет добавляет: «Физически эти два человека были контрастными. Нуреев обладал телом пловца, а Шварценеггер был гуляшом из мускулов».

Смерть Нуреева от СПИДа в 1993 г. потрясла художника. Тень умершего друга постоянно тревожила его. Уайет решил вернуться к своим наброскам и эскизам и в течение нескольких лет работал над портретами Нуреева, которые и составили большинство экспонатов выставки. По словам Уайета, только после этого «видение Нуреева покинуло меня. Оно больше не стоит за моей спиной...».

Я невольно вспомнил эти слова художника, когда остановился перед написанным им портретом Нуреева в костюме и гриме Пьеро. Нуреев на этой картине как бы застыл в последнем поклоне, а тень, которую отбрасывает его согнутая фигура, страшно напоминает контуры гроба...

Нуреев обладал исключительной внешностью, удивительным магнетизмом

остров Монхегэн в штате Мэриленд, где он живет в доме, который в свое время построил для себя великий американский художник Рокуэлл Кент. «Я родился и рос на берегу моря, – рассказывает Уайет. – Дед нас часто брал на Монхегэн. Жизнь на острове интригует меня. Это как микрокосм». Сдружившись с Нуреевым, он заразил и его любовью к островной жизни. Нуреев тоже купил остров – у берегов Италии. По мнению художника, «Нуреев сам был как остров. Он был миром самым в себе». Здесь невольно вспоминается хемингуэевское: человек – не остров, он не может быть один. Нуреев, вращавшийся в высшем свете Европы и Америки, знавший королеву Англии и

Кирстину, который, как и Баланчин, недолюбливал своевольного и неуправляемого Нуреева – звезду, не желавшую светить ровным светом среди остальных солистов Сити-балета. Но затем Кирстин сам зажегся этой идеей, и художник и танцор стали частыми гостями в его доме. Для Уайета Нуреев оказался главным объектом творчества.

Джеймс нарисовал сотни эскизов и полотен с нуреевской натуры. Задача усложнялась тем, что, по словам Уайета, «Нуреев был помешан на своем искусстве и на самом себе». Никто из знаменитых людей, которые позировали художнику, не был столь озабочен, как Нуреев, тем, «как они будут смотреться».